

УДК 398.224(=512.157)

DOI: 10.25587/d5787-1930-5942-q

Ю. П. Борисов

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА БОГАТЫРЬ В ГНЕВЕ В РАНИХ ТЕКСТАХ ОЛОНХО: ПРОТОТИП И ВАРИАНТЫ

Аннотация. Актуальность исследования исходит из необходимости освещения эпической формульности в контексте когнитивной лингвистики, которая в настоящее время приобретает все большее значение. Поскольку эпическое сказительство является коммуникативным актом, то в нем обнаруживаются акты семиозиса и номинативные акты, предполагающие наличие когнитивной инфраструктуры в каждом участнике коммуникации. В этой связи особо интересным представляется описание видения эпического мира сказителем-олонхосутом, которое находит отражение в коллективных знаниях эпической аудитории. В свою очередь структура коллективных знаний выполняет функцию универсальных схем восприятия и осмысления новых знаний. Потому сказитель при каждом исполнении олонхо структурирует его так, чтобы она стала частью общего сознания. Целью настоящей статьи является выявление структуры концепта БОГАТЫРЬ В ГНЕВЕ, репрезентированного в ранних записях якутского олонхо в диахроническом аспекте. Под термином концепт мы понимаем гештальт – оперативную единицу в мыслительных процессах, актуализируемую эпическими формулами, состоящими из ритмико-синтаксических параллелизмов. При анализе репрезентации концепта БОГАТЫРЬ В ГНЕВЕ были применены методы концептуального и когнитивно-матричного анализа в рамках прототипического подхода. В результате исследования установлено, что в пределах категории исследуемого концепта обнаруживается прототип, состоящий из вербальных референтных координат. Эти координаты объективизируются ядерными лексическими единицами, содержащими концептуальную информацию и устойчивыми словосочетаниями, раскрывающими портретное описание и эмоциональное состояние богатыря олонхо. Промежуточную позицию занимают варианты концепта, репрезентированные в более поздних текстах при помощи одиночных формул, в которых наблюдается трансформация концепта БОГАТЫРЬ В ГНЕВЕ посредством упрощения гештальта до отдельно взятой одной характеристики. Видимо процесс упрощения концепта был продиктован развитием эпического сказительства, когда необходимость детального описания стала необязательной ввиду развития восприятия эпической аудитории. На периферии прототипа представлены авторские вариации концепта, которые свидетельствуют о наличии в сказительстве импровизаторского аспекта, где сказитель свое «уклонение» от эпических традиций санкционирует дополнительными авторскими ремарками, призванными обозначить для эпической аудитории его отступление от общепринятых норм.

Ключевые слова: якутское олонхо, олонхосут, эпическая аудитория, концепт БОГАТЫРЬ В ГНЕВЕ, гештальт, матрица, когнитивная схема, референт, прототип, вариант

Благодарности: Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта СВФУ «Эпический памятник нематериальной культуры якутов: текстологический, типологический, когнитивный и историко-генетический аспекты».

Yu. P. Borisov

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

REPRESENTATION OF THE CONCEPT THE HERO IN ANGER IN OLONKHO'S EARLY TEXTS: PROTOTYPE AND VARIANTS

Abstract. Since epic storytelling is a communicative act, it reveals acts of semiosis and nominative acts suggesting the presence of cognitive infrastructure in each participant of communication. Therefore, the purpose

БОРИСОВ Юрий Петрович – к. филол. н., с. н. с. – зав. сектором «Лингвофольклористика» Научно-исследовательского института Олонхо Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия. E-mail: olonhoman@mail.ru

BORISOV Yury Petrovich – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Head of Linguofolkloristics Sector, Olonkho Research Institute, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia. E-mail: olonhoman@mail.ru

of the article is to study the representation of the concept of THE HERO IN ANGER in the early recordings of the Yakut olonkho in a diachronic aspect. By the term “concept” we mean gestalt – an operational unit in thought processes actualized by epic formulas consisting of rhythmic-syntactic parallelisms. When analyzing the representation of the concept of THE HERO IN ANGER, the methods of conceptual and cognitive matrix analysis were applied within the framework of a prototypical approach.

As a result of the study, it was found that a prototype consisting of verbal system of reference coordinates is found within the category of the concept under study. These coordinates are objectified by the core lexical units containing conceptual information and stable phrases that reveal the portrait description and emotional state of the olonkho hero.

An intermediate position is occupied by variants of concepts represented in later texts using single formulas, in which there is a transformation of the concept of THE HERO IN ANGER by simplifying the gestalt to a single characteristic. Apparently, the process of simplifying the concept was dictated by the development of epic storytelling, when the need for a detailed description became optional due to the development of perception of the epic audience.

On the periphery of the prototype, the author’s variations of the concept are presented, which indicate the presence of an improvisational aspect in storytelling, where the storyteller authorizes his «deviation» from epic traditions with additional author’s remarks designed to indicate for the epic audience his deviation from generally accepted norms.

Keywords: Yakut olonkho, the concept of THE HERO IN ANGER, gestalt, matrix, cognitive scheme, referent, prototype

Acknowledgements: The study was carried out within the framework of the NEFU research project “Epic monument of the intangible culture of the Yakuts: textological, typological, cognitive and historical-comparative aspects”.

Введение

Целью настоящей статьи является выявление прототипа и вариантов концепта БОГАТЫРЬ В ГНЕВЕ в ранних записях якутского олонхо в диахроническом аспекте. В статье под ранними текстами олонхо имеются ввиду тексты эпоса, записанные в период с середины XIX до начала XX вв.

Актуальность и значимость подобных исследований было определено М. В. Пименовой: «Воссоздать структуры концептов возможно, обратившись к фонду устного народного творчества. При этом особое внимание следует обращать на изменение категорий и форм мышления в разные эпохи, на смену верований и переходы в интерпретациях одних и тех же категорий» [1, с. 20].

Эпическая формула «БОГАТЫРЬ В ГНЕВЕ»

В эпосах народов Сибири главный действующий персонаж воспевается как идеальный герой, который является для эпической аудитории объектом восхищения и образцом для подражания. В сюжетных коллизиях этих эпосов реализуется конечная цель персонажа богатыря, которая заключается в создании семьи, защите рода и родовой территории, в борьбе со злом и установление мира в Срединной земле [2].

В отношении якутского эпоса известно, что «для композиции олонхо характерно развертывание сюжета в биографическом плане – от рождения героя до возвращения его на родину после завершения всех подвигов, прямая связь всех главных действий олонхо с жизнью героя. Жизнь героя показывается как цепь подвигов, совершаемых им для установления счастливой жизни племени» [3, с. 48].

Эмоции главного персонажа, описываемые в героическом эпосе, издавна вызывали интерес исследователей-эпосоведов. Так, С. Ю. Неклюдов данной проблеме посвятил несколько работ. Он, исследуя эпическое повествование героического эпоса монгольских народов, устанавливает, что фольклорно-эпическое повествование бедно описаниями эмоционального состояния персонажей: «Почти весь небогатый спектр чувств, выражаемых героем эпоса, относится к области «отрицательных значений», в то время как «положительные эмоции» занимают в нем совсем ничтожное место... Поскольку «действие» героического сюжета (по крайней мере в его кульминационной точке) – это всегда бой, психологической подготовкой к которому является гнев, чувство гнева изображается особенно часто. Более того, прочие отмеченные эпосом

эмоции иногда свидетельствуют лишь о «разбалансированности» душевного равновесия и могут затем переходить в гнев или даже функционально заменять его» [4, с. 109].

Кроме того, исследователь в составе эпической формулы «БОГАТЫРЬ В ГНЕВЕ» выделяет богатую гамму оттенков: недовольство, обиду, раздражение, досаду, сильный гнев, переходящий в аффективные формы необузданного боевого исступления [5]. По его мнению, «психологические описания» являются самой яркой чертой эпического повествования и зачастую вводятся при описании воинской коллизии [5, с. 174].

Впервые на материале якутского олонхо богатыря в состоянии гнева описал И. В. Пухов: «При описании богатыря перед схваткой олонхосуты используют самые мрачные краски, прибегая к таким изобразительным средствам, как фантастика и гиперболизация. Этот вид богатыря в минуту гнева, перед схваткой, как внешнее проявление боевой ярости нельзя смешивать с общим уродливо-демоническим обликом героев некоторых олонхо. В олонхо даются особые портреты богатыря, находящегося в гневе, в радости, в тоске и т. д.» [3, с. 66]. В свою очередь В. М. Гацак, сопоставляя эпические формулы изображения богатырского гнева якутского олонхо с эпосами народов Сибири в историко-поэтическом плане, обнаруживает выразительный эволюционный ряд: выростание от гнева; конвульсия гнева; кипение, бурление крови; гневная мысль; огни гнева; источание гнева; гневный порыв: жест или/и слово [6]. Как утверждает Н. Н. Ефремов, формула «Гнев богатыря» в якутском олонхо, как и другие формулы, реализуются в различных вариациях. Основное её структурно-семантическое ядро – параллелистическая конструкция с двумя предикативными единицами [7].

Из сказанного следует, что эпические формулы, описывающие богатыря в гневе являются типическими (общими) местами. Здесь интересен взгляд И. А. Оссовецкого, считавшего, что типические места (*loci communes*) возникают в процессе поэтической фразеологии: «В языковом отношении такие типические места представляют собой матрицу с одной или несколькими незаполненными ячейками, которые у разных сказителей и в разных местностях заполняются в конкретных вариантах неодинаковыми в количественном и качественном отношении материалом, что тоже способствует нетождественности вариантов» [8, с. 214].

Сказанное согласуется с наблюдениями Н. Н. Болдырева о структурных типах когнитивной матрицы. Особенно второй тип матрицы со структурой «ядро – периферия»: «Ядром матрицы как единого формата знания в этой ее разновидности является объект мысли... Периферийную область матрицы образуют когнитивные контексты как различные аспекты соответствующего знания, обращение к которым необходимо для понимания данных языковых единиц и феноменов... Подобные концепты организованы в виде массива знаний, для которого наличие того или иного конкретного компонента является факультативным. Тем не менее наличие хотя бы двух компонентов из заданного списка является обязательным» [9, с. 94].

Таким образом, эпическая формула «БОГАТЫРЬ В ГНЕВЕ» представляет собой универсальную схему восприятия образа эпического богатыря. Это обстоятельство объясняется тем, что сознание человека постоянно сопровождает и контролирует его взаимодействие с окружающей средой [10]. Исходя из сказанного, в нашем случае видение эпического мира сказителем-олонхосутом как представителя конкретного социума находит отражение в коллективных знаниях эпической аудитории, структура которых и выполняет функцию универсальных схем восприятия и осмысления новых знаний. Согласно этому, сказитель при каждом исполнении олонхо при упоминании рассматриваемой формулы структурирует ее так, чтобы она стала частью общего сознания.

Теоретические подходы и методы исследования

Наиболее содержательное и точное определение концепта было произведено Е. С. Кубряковой, где «концепт – это некий отдельный смысл, некая идея, имеющаяся у нас в сознании, но, по всей видимости, главное, что такая идея существует как оперативная единица в мыслительных процессах, причем единица, выступающая как гештальт – как вполне самостоятельная и четко выделяемая отдельная от других сущность» [11, с. 316]. Гештальт – это набор совместно реализующихся характеристик, который более существенен для человеческого опыта, чем отдельное проявление каждой из его характеристик [12]. Для формирования подобных категориальных систем должны быть соблюдены два основополагающих принципа: во-первых, предоставление

максимальной информации с наименьшими когнитивными усилиями; во-вторых, когнитивная информация должна быть структурирована [13].

Следует отметить, что привлечение антропоцентрической парадигмы к изучению эпических формул в когнитивном аспекте обусловлено тем, что эпическое сказительство является коммуникативным актом, где задействованы сам сказитель и его эпическая аудитория.

Эпической аудитории, воспитанной в лучших традициях народнопоэтической художественной культуры, исполняемое произведение уже известно, и он следит за правильностью его воспроизведения как в обязательных структурных элементах, так и за импровизацией исполнителя в необязательных элементах. Иными словами, «слушатель, имея более или менее полное представление об инварианте, следит за созданием данного конкретного варианта, которое совершается в его присутствии. Элемент импровизации способствует у слушателей интересу к процессу исполнения. Таким образом, восприятие произведений фольклора зависит от характера поэтической культуры «получателя» [8, с. 201]. И если сказитель «уклонялся от предписанной традиции и это уклонение не было санкционировано коллективным сознанием его слушателей, то текст из фольклорного (т. е. традиционного) превращался в одноразовый, а он сам – в индивидуального исполнителя индивидуального текста» [14, с. 144].

На наш взгляд, здесь под обязательными структурными элементами понимаются устойчивые конструкции в виде эпических формул и типических мест, которые представляют собой опору сказителю для продолжения преемственности эпических традиций. В то же время они представляют собой особым образом структурированное знание, которое позволяет носителям языка, в частности эпической аудитории успешно усваивать поступающую информацию, должным образом ее отформатировать, придать ей нужную структуру, установить необходимые связи с уже накопленными знаниями [10].

Эти накопленные знания, хранящиеся в долговременной памяти, являются референтами, то есть предметы и ситуации внешнего мира, получившие обозначение с помощью языковых знаков [15], именно при помощи референтов осуществляется референция, которая зависит от знания, наличествующего к моменту высказывания. Эти знания образуют вербальную систему референтных координат [16]. Иными словами, когда референты идентифицированы, расшифровывается новая информация, передаваемая высказыванием [17].

Вслед за А. В. Бондарко, под термином прототип мы понимаем наиболее репрезентативные (канонические, эталонные) варианты определенного инвариантного системного объекта, характеризующийся наибольшей специфичностью (концентрацией специфических признаков данного объекта), способностью к воздействию на производные варианты (признак «источник производности») и наиболее высокой степенью регулярности функционирования [18].

При анализе репрезентации концепта БОГАТЫРЬ В ГНЕВЕ в качестве основного метода исследования был применен метод концептуального анализа, который позволяет выявить структуру и содержание концепта (концептуальные характеристики) через значения языковых единиц, репрезентирующих данный концепт, их словарные толкования, речевые контексты, что позволяет выявить основное содержание концепта.

Устойчивость и вариативность эпических формул предполагает привлечение прототипического подхода, который позволит установить прототип концепта БОГАТЫРЬ В ГНЕВЕ. Кроме того, изучение сложных устойчивых конструкций предполагает применение метода когнитивно-матричного анализа, разработанного Н. Н. Болдыревым [19], а также метода моделирования, способствующего установлению когнитивной модели референциальной связности [20] на основе выявления точек внутриязыковой референции [10].

Тем самым, создаются необходимые теоретические предпосылки для изучения эпической формулы «богатырь в гневе» в когнитивном аспекте в качестве одного из основных концептов БОГАТЫРЬ В ГНЕВЕ в диахроническом аспекте исследования.

Репрезентация концепта БОГАТЫРЬ В ГНЕВЕ в ранних текстах олонхо

Вне всякого сомнения, гнев – это эмоциональное состояние, хорошо знакомое как самому сказителю, так и его эпической аудитории. Так каким же образом в ранних текстах кодируется и декодируется данная когнитивная информация, составляющая концепт БОГАТЫРЬ В ГНЕВЕ?

В ходе исследования установлено, что рассматриваемый концепт в ранних текстах олонхо презентуется эпическими формулами. Далее проанализируем конкретные примеры актуализации концепта с указанием наименования текста олонхо, его сказителя (автора) и даты записи.

1. «Хаан Джаргыстай», запись А. Я. Худякова, сказитель неизвестен 1867 г.:

<p>Маныхаа айыы [киһи] сүрдүк диэн уордайда, сүрдүк диэн тымытта (РСП1): ингин хаана иэдэйэн кэллэ, сүүһүн хаана өрө таннары сүүрэлээтэ, муннун бууралаата (РСП2), уохтаах санаата ойбос өтүттэн ойон тийээн кэллэ, киһиргэс санаата кэтэх өтүттэн көтөн тийээн кэллэ, көнчү санаата күөх былгыт курдук күдэннирэн тийээн кэллэ (РСП3).</p>	<p>Из-за этого человек-айыы Сильно разгневался, Сильно рассердился (РСП1), Кровь в щеках стал наливаясь, Кровь во лбу стал туда-сюда биться, Стал чаще воздух выдыхать (РСП2), Мысли яростные с боков стали заходить, Мысли хвастливые с затылка стали залетать, Мысли обиды будто стилие облака, дымясь стали окутывать его (РСП3)</p>
[21, с. 58].	[пер. автора].

В этом примере эпическая формула состоит из трех ритмико-синтаксических параллелизмов (далее в тексте РСП), которые выступают в качестве характеристик, существенных для восприятия образа богатыря. В них при объективизации концепта используются ядерные лексические единицы – синонимы, содержащие основную когнитивную информацию: *уордай / тымыт* ‘гневаться, сердиться’ (РСП1). Когнитивная информация также актуализируется посредством детализированного описания портрета при помощи соматизмов, раскрывающего отрицательную эмоцию персонажа – переход от статистического состояния в состояние гнева (РСП2): *ингин хаана иэдэйэн кэллэ* ‘кровь в щеках стал наливаясь’ / *сүүһүн хаана өрө таннары сүүрэлээтэ* ‘кровь во лбу стал туда-сюда биться’ / *муннун бууралаата* ‘стал чаще воздух выдыхать’. Кроме того, дополняется олицетворением, когда смена эмоционального настроения описывается как не зависимое от самого персонажа явление. Иными словами, такие подкатегории концепта БОГАТЫРЬ В ГНЕВЕ, как мысли *ярости, хвастовства и обиды*, заходят в богатыря с боков, затылка и окружают его (РСП3). Такое представление видимо связано с тем, что главный персонаж будучи идеальным героем, образцом для подражания изначально не может носить в себе «злые» намерения. Тем самым, концепт БОГАТЫРЬ В ГНЕВЕ эксплицируется целым набором характеристик и вербализуется не только собственно концептуальными лексическими единицами, но и аналитическим сочетанием образных слов и словосочетаний, обнаруживающих референты в долговременной памяти как самого сказителя-олонхосута, так и его эпической аудитории.

2. «Потомки Юрюнг Айыы Тойона» (Үүт-аас бэйэлээх Үрүн Айыы Тойон ыччаттара) самопись сказительницы М. Н. Андросовой-Ионовой (1890 г.):

<p>... олорор киһи харабын тымыра ханньары тардан табыста, сырайын тымыра сыллалары тардан табыста (РСП1), сүүһүн хаана сүүрэлээтэ, муннун хаана бууралаата (РСП2), эпчимнээх санаата ингиригэр киридэ, күүстээх санаата көхсүгэр баппата (РСП3) – онтон чараас-чараас сиринэн хайгыта ыстанан табыста, муннунан уоһунан тураҕас сылгы сизллээх кутуругун курдук субай хаан таннары сыйыыллан түһэ турбут, халын-халын сиринэн ытыс халтабайын саҕа эттэр хабырыта ыстана турбуттар (РСП4), саннын байаатыгар диэри түспүт куударалаах аһа төбөтүн оройугар кулун киинин курдук өрө эриллэн тахсыбыт, икки харабын уота уйан хатат уотун курдук сардырҕаччы тохто турбут (РСП5).</p>	<p>... у сидящего человека сосуды на глазах стали тянуться вкривь, артерии на лице стали вверх вытягиваться (РСП1), кровь во лбу стала биться, кровь в носу стала бурлить (РСП2), мысли энергичные в сухожилиях заходили, мысли сильные в спине не уместились (РСП3) – затем, в местах своих узких разрываться стал, изо рта и носа будто хвост с гривой гнедого жеребца свежая кровь стала проливаться, в местах толстых мяса куски толщиной с ладонь прочь отлетать стали (РСП4), курчавые волосы, достающие до плеч будто пупок жеребенка на макушке головы вверх стали закручиваться, из обеих глаз стали сыпаться искры будто из мягкого огнива (РСП5).</p>
[22, с. 416].	[пер. автора].

Как видно, текст был записан в прозаическом виде. Однако в нем благодаря РСП сохранены народно-поэтические формы эпоса, которые разбиты нами на части. Можно убедиться, что в данном случае представлена эпическая формула, состоящая из пяти РСП. В нем концепт БОГАТЫРЬ В ГНЕВЕ объективизируется только последовательным, гиперболическим описанием перемены эмоционального состояния богатыря. Когнитивная информация исходит из ключевых словосочетаний относительно РСП, ядерных устойчивых словосочетаний – относительно концепта: *харабын тымыра* ‘сосуды глаз его’ / *сирэйин тымыра* ‘артерии лица его’ (РСП1), *сүүхүн хаана* ‘кровь во лбу его’ / *муннун хаана* ‘кровь в носу его’ (РСП2); *эпчимнээх санаата* ‘мысли энергичные’ / *күүстээх санаата* ‘мысли сильные’ (РСП3); *чараас чараас сиринэн* ‘в тонких местах’ / *халын халын сиринэн* ‘в толстых местах’ (РСП4); *куударалаах аһа* ‘кудрявые волосы его’ / *икки харабын уота* ‘огонь в глазах’ (РСП5). На периферии этих ядерных словосочетаний находятся вариативные элементы, подверженные чрезмерной гиперболизации. Поскольку образ богатыря олонхо является абстрактным, здесь представлено детализированное описание портрета, призванное передать чувственную сторону концепта и тем самым обнаружить в сознании слушателей точки внутриязыковой референции. В этих референтах прослеживается связь с референтами предыдущей формулы.

3. «Старик Кюлкюл и старуха Силлирикээн» (Күлкүл Бөфө офонньор, Силлирикээн эмээхсин икки), самозапись сказительницы М. Н. Андросовой-Ионовой (1893-1894 гг.):

<p>Үрүн Уолан барахсан хаана-сиинэ алдыамыг, сүүхүн тымыра сүллэри тардан барбыт, харабын тымыра ханньары тардан барбыт, ингин хаана издэйбит (РСП1), кыһыһаары кыһыһыбыт, уордай-аары уордайбыт, абараары абарбыт (РСП2). [23, с. 240].</p>	<p>У Юрюнг Уолана бедного вид искажился, артерия во лбу стала кверху вытягиваться, сосуды в глазах искривляться стали, кровь на щеках стала темнеть (РСП1), не на шутку рассердился, расвирипел-разгневался, разлился-раздосадовался (РСП2). [пер. автора].</p>
--	---

Здесь представлена эпическая формула, состоящая из двух РСП. Следует отметить, что в ней также прослеживается непосредственная связь с предыдущей эпической формулой. Видимо, это обстоятельство связано с тем, что сказителем является один и тот же человек. Обращаясь к формуле отметим, что если в первом РСП дается описание портрета, которое раскрывается строго оформленным трехчленным параллелизмом с ядерными словосочетаниями-соматизмами: *сүүхүн тымыра* ‘артерия во лбу’ / *харабын тымыра* ‘сосуды в глазах’ / *ингин хаана* ‘кровь в щеках’, а второй РСП состоит только из ядерных лексем, содержащих основную когнитивную информацию и организован их дословным повторением (деэпричастием) и личной формой глагола: *кыһыһыр* ‘сердиться’ / *уордай* ‘гневаться’ / *абар* ‘злиться’.

4. «Тойон Ньургун Бухатыыр», самозапись Н. Ф. Попова (1895 г.)

<p>Дьэ, добор, Мин да көрөн турдахпына, Бухатыыр киһи кыһыһырыта Сүрдээх эбит: Дьүһүнэ уларыйда, Улуу үрэх сүүрүгүн курдук Көхсүн хаана кырылы тыстэ, Уоһа-тииһэ ханха Илин-кэлин бүргэтин курдук Сылларыта тардан барда. [24, с. 51].</p>	<p>Ну, друзья, На моих глазах, Гнев человека-богатыря Страшен, оказывается: Вид его искажился, Как будто течение великой реки Кровь в его спине стала бурлить, Губы-зубы его будто вьючного седла Передние-задние луки Выворачиваться кверху стали. [пер. автора].</p>
--	--

Иногда концепт БОГАТЫРЬ В ГНЕВЕ передается одним РСП, как в приведенном примере. При описании богатыря привлечено не характерное ранее просмотренным формулам словосочетание: *дьүһүнэ уларыйда* ‘вид его изменился’, семантическая нагрузка которой объединяет в себе множество предполагаемых референтных точек. Для облегчения дальнейшего восприятия этой формулы автор высказывания также использует ключевые слова – референты: *хаана*

‘кровь его’ / *yoḥa-tuihэ* ‘губы-зубы его’, близкие к референтам рассмотренных ранее формул. Видимо, из-за этих обозначенных особенностей, сказитель Н. Ф. Попов прибегает к авторской ремарке: *бухатыр киһи кыһырыыта сүрдээх эбит* ‘гнев человека-богатыря страшен, оказывается’, призванной санкционировать перед эпической аудиторией его уклонение от эпических традиций. Это обстоятельство свидетельствует о том, что в данном конкретном случае представлена авторская вариация, отдаленно напоминающая рассмотренные ранее формулы.

5. «Элик Боотур и Нигыл Боотур» (Элик Боотур Ньыгыл Боотур икки), самозапись Р. Александрова, 1896 г.

<p>Онуоха баара туран Ньыгыл Боотур обургу дьаалы имин хаана издэйдэ, муннун хаана бууралаата, сүүһүн хаана сүүрэлээтэ...</p> <p>[25, с. 234].</p>	<p>И тогда у славного богатыря Нигыл Боотура кровь в щеках стала наливаться, кровь в носу вскипела, кровь во лбу стала биться...</p> <p>[пер. автора].</p>
--	--

Как и в предыдущем примере, здесь концепт БОГАТЫРЬ В ГНЕВЕ представлен одной единственной формулой. Однако в ней видится непосредственная связь с 1, 2 и 3 формулами. В частности обнаруживается универсальное портретное описание смены эмоционального состояния богатыря айыы, которое исходит из семантики строго оформленного РСП с матричной конструкцией на основе ядерных словосочетаний: *имин хаана* ‘кровь в щеках’ / *муннун хаана* ‘кровь в носу’ / *сүүһүн хаана* ‘кровь во лбу’. Из сказанного следует, что эмотивный концепт БОГАТЫРЬ В ГНЕВЕ не всегда передается полным набором характеристик. Иными словами, иногда многоаспектные знания матричного формата могут быть объективизированы только одним особо устойчивым РСП из состава эпической формулы данной тематики, содержащей обязательные точки референции.

6. «Ала Булкун бухатыр», записано В. Н. Васильевым со слов сказителя Т. В. Захарова–Чээбия в 1906 г.

<p>Онно биһии киһибит Ойньуур хааннаах ороспуоҕа киһи эбитэ үһү – Ойньуур хаана ойньоото, Киирэр хааннаах кэбэлэ киһи эбитэ үһү – Киирэр хаана киирдэ (РСР1). Икки сототун унуоҕа Тардылаах орус бурҕалытын курдук Төгүрүччү тардан ылла, Изнин иниирэ Сойуохут киһи туут хайыһарын курдук Кэдириг тардан ылла (РСР2); Абыс аалылаах дьыры көмүс тиһин бодуолугар Унуохтаах отон курдук тохтуоҕар диэри хабырынна (РСР3)</p> <p>[26, с. 68].</p>	<p>Тогда человек наш Как разбойник лихой, оказывается, говорят – В крови гнев пробудился, Как хищник яростный, оказывается, говорят – В крови ярость разыграла (РСР1). Две берцовые кости его, Словно ярмо быка тяглогого, Вокруг напряглись, Жилы спины его, Словно лыжи охотничьи следопыта, Назад стянулись (РСР2), Острыми зубами серебрянными заскрежетал, Что словно толокнянка, они посыпались (РСР3).</p> <p>[26, с. 69].</p>
--	---

Данная эпическая формула интересна тем, что в ней в отличие от рассмотренных ранее, сказитель при ее построении пользуется не типичными параллелизмами. Так, при объективизации концепта используются ядерные словосочетания, являющиеся ключевыми словами РСП: *ойньуур хаан* ‘гневная кровь’ / *киирэр хаан* ‘яростная кровь’ (РСР1); *сототун унуоҕа* ‘берцовые кости’ / *изнин иниирэ* ‘жилы спины’ (РСР2); *көмүс тиһэ* ‘зубы серебрянные’ (РСР3). Здесь важно отметить, что когнитивная информация исходит из соматизмов: *кровь, кость, жилы, зубы*, которые в совокупности составляют гиперболизированное описание образа богатыря.

На наш взгляд, здесь представлена частная (авторская) вариация эпической формулы сказителя Т. В. Захарова–Чээбия. Это объясняется тем, что в нем просматривается не типичное портретное описание, а описание состояния всего тела богатыря, которое будучи в гневе находится в состоянии боевого иступления.

Между тем в тексте анализируемого олонхо также содержится эпическая формула:

Манна биһиги киһибит Уохтаах санаата уолугунан киирдэ, Күүстээх санаата күөмэйинэн киирдэ. [26, с. 62].	Тогда человека нашего Мысли яростные душить начали, Мысли суровые давить начали. [26, с. 62].
--	--

Эта формула является традиционной и состоит из двухчленного параллелизма с ядерными словосочетаниями: *уохтаах санаата* ‘мысли яростные’ / *күүстээх санаата* ‘мысли суровые’. Данная формула аналогична формулам, проанализированным в примерах 1, 2, и кроме того, подтверждает наблюдения о том, что многоаспектные знания матричного формата иногда могут быть объективизированы только одним РСП.

Заключение

Таким образом установлено, что концепт БОГАТЫРЬ В ГНЕВЕ в ранних текстах олонхо репрезентируется посредством эпических формул, состоящих из нескольких ритмико-синтаксических параллелизмов.

В пределах категории концепта БОГАТЫРЬ В ГНЕВЕ обнаруживается прототип, состоящий из ядерных лексических единиц, содержащих основную концептуальную информацию: *уордай* ‘гневаться, разъяряться’ / *кыһыыр* ‘сердиться, злиться’ / *абар* ‘злиться, возмущаться’. Когнитивная информация также вербализуется посредством аналитического способа – устойчивыми ядерными словосочетаниями, обнаруживающими референты в сознании, и объективизируется посредством портретного описания с применением соматизмов: *игин (имин) хаана* ‘кровь в щеках’ / *сүүһүн хаана* ‘кровь во лбу’ / *муннун хаана* ‘кровь в носу’; *харабын тымыра* ‘сосуды на глазах’ / *сырайын тымыра* ‘артерии на лице’ / *сүүһүн тымыра* ‘артерия во лбу’; описания эмоционального состояния: *уохтаах санаата* ‘сильные мысли’ / *уордаах санаата* ‘гневные мысли’ / *күүстээх санаата* ‘сильные мысли’ / *киһиргэс санаата* ‘хвастливые мысли’. Обозначенные устойчивые слова и словосочетания образуют вербальные системы референтных координат, благодаря которым слушатели в своем сознании конструируют образ богатыря олонхо. Общую матричную структуру прототипа, эксплицирующего эмотивный концепт *богатырь в гневе* в ранних текстах олонхо можно представить в виде следующей модели (рис. 1):

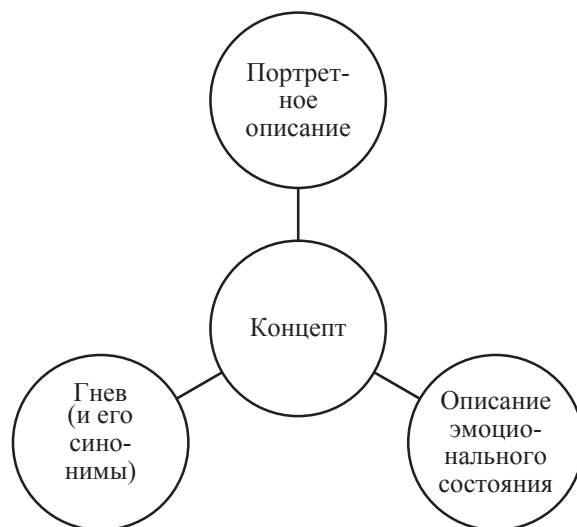

Рис. 1. Матрица прототипа концепта *богатырь в гневе*

Промежуточную позицию занимают варианты концепта, репрезентированные в более поздних текстах при помощи формул, состоящих из одного ритмико-синтаксического параллелизма. Здесь наблюдается трансформация концепта БОГАТЫРЬ В ГНЕВЕ, которая заключается в

упрощении гештальта – набора совместно реализующихся характеристик до отдельно взятой одной характеристики. Видимо, процесс упрощения концепта продиктован развитием эпического сказительства, когда необходимость детального, подробного описания стала необязательной ввиду развития восприятия эпической аудитории. Однако даже у этой формулы сохраняется матричная структура и когнитивная информация передается посредством общего контекста ее референтов – однотипных словосочетаний (рис. 2).

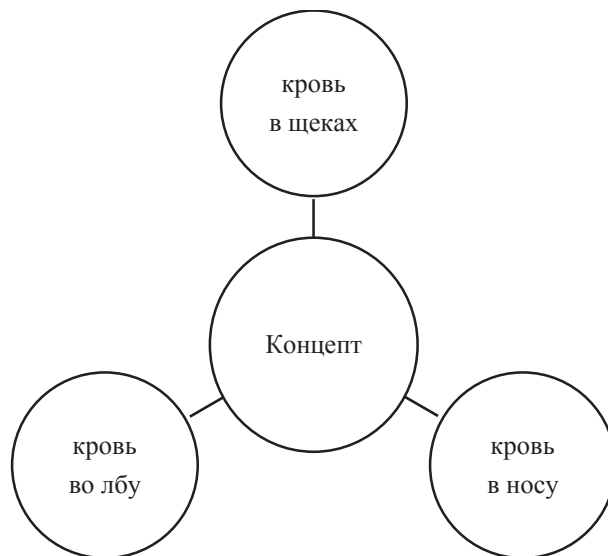

Рис. 2. Матрица вариантов концепта *богатырь в гневе*

На периферии прототипа представлены авторские вариации концепта, которые свидетельствуют о наличии в сказительстве импровизаторского аспекта, где сказитель свое «уклонение» от эпических традиций санкционирует дополнительными авторскими ремарками, которые призваны обозначить для эпической аудитории его отступление от общепринятых норм.

Литература

1. Пименова М. В. Концептология на современном этапе (способы исследования концептуальных структур) // Гуманитарный вектор. – 2017. – Т. 12. – № 5. – С. 13–22.
2. Кузьмина Е. Н. Отражение архетипических моделей в «loci communes» героических сказаний народов Сибири // Сибирский филологический журнал. – 2019. – № 2. – С. 18–26. DOI: 10.17223/18137083/67/2
3. Пухов И. В. Якутский героический эпос олонхо: основные образы. – Москва : Издательство Академии наук СССР, 1962. – 256 с.
4. Неклюдов С. Ю. Героический эпос монгольских народов: Устные и литературные традиции. – Москва : Наука, 1984. – 309 с.
5. Неклюдов С. Ю. Поэтика эпического повествования: пространство и время. – Москва : Форум, 2015. – 214 с.
6. Гацак В. М. Устная эпическая традиция во времени: историческое исследование поэтики. – Москва : Наука, 1989. – 254 с.
7. Ефремов Н. Н. Эпическая формула «Богатырь в гневе» в якутском героическом эпосе олонхо: структурно-семантическое описание // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. – 2013. – № 6. – С. 204–207.
8. Осовецкий И. А. Некоторые наблюдения над языком стихотворного фольклора // Очерки по стилистике художественной речи. – Москва : Наука, 1979. – С. 199–252.
9. Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. – Москва : Издательский Дом ЯСК, 2018. – 478 с.

10. Болдырев Н. Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – № 4. – С. 10–20.
11. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 555 с.
12. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 252 с.
13. Rosch E., Lloyd B. V. (eds.) *Cognition and Categorization*. – Hillsdale. New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates. – 1978. – Pp. 27–48. (На англ. яз.)
14. Чистов К. В. Вариативность и поэтика фольклорного текста // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. Киев, сентябрь 1983 г. Доклады советской делегации. – Москва : Наука, 1983. – С. 143–170.
15. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика: учебное издание. – Москва : АСТ: «Восток-Запад», 2009. – 314 с.
16. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. – Москва : Прогресс, 1986. – С. 22–131.
17. Джонсон-Лэрд Ф., Процедурная семантика и психология значения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. – Москва : Прогресс, 1988. – С. 234–258.
18. Бондарко А. В. Инварианты и прототипы в системе функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики: Семантическая инвариантность/вариативность. – Санкт-Петербург : Наука, 2003. – С. 5–23.
19. Болдырев Н. Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Выпуск IV. Концептуализация мира в языке: коллективная монография. – Москва : Институт языкознания РАН; Тамбов : Издательский дом ТГУ имени Г. Р. Державина, 2009. – С. 25–77.
20. Емельянова О. В. Когнитивная лингвистика о проблемах референции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2004. – № 1–2. – С. 62–71.
21. Хаан Дьаргыстай: олонхо. – Дьокуускай : Алаас, 2016. – 232 с. (На якут. яз.)
22. Пекарский Э. К. Образцы народной литературы якутов. – Санкт-Петербург : Тип. Императ. Акад. наук, 1907. [Т. 1], вып. 5, ч. 1: Тексты. 1911. – 401–475 с.
23. Пекарский Э. К. Образцы народной литературы якутов. – Санкт-Петербург : Тип. Императ. Акад. наук, 1907 Вып. 3. 1909. – 195–280 с.
24. Попов Н. Ф. Тойон Ньургун бухатыыр. Изд-е 2-е. Якутск : Алаас, 2015. – 304 с. (На якут. яз.)
25. Дьүлэй нэһилиэгин олонхохуттара. – Дьокуускай : ГЧуоААХНПИ, 2013. – 266 с. (Образцы народной литературы якутов собранные Э.К. Пекарским) (На якут. яз.)
26. Захаров-Чээбий Т. В. Ала Булкун бухатыыр = Ала Булкун богатырь. – Якутск : Алаас, 2018. – 520 с. (На якут. и русск. яз.)

References

1. Pimenova M. V. Conceptology at the present stage (methods of research of conceptual structures). *Humanitarian vector*. 2017, vol. 12, no. 5, pp. 13–22. (In Russ.)
2. Kuzmina E. N. Reflection of archetypal models in “loci communes” of heroic tales of the peoples of Siberia. *Siberian Philological Journal*. 2019, no. 2, pp. 18–26. DOI: 10.17223/18137083/67/2 (In Russ.)
3. Pukhov I. V. Yakut heroic epic olonkho: basic images. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1962, 256 p. (In Russ.)
4. Neklyudov S. Yu. The heroic epic of the Mongolian peoples: Oral and literary traditions. Moscow, Nauka Publ., 1984, 309 p. (In Russ.)
5. Neklyudov S. Yu. Poetics of epic narrative: space and time. Moscow, Forum Publ., 2015, 214 p. (In Russ.)
6. Gatsak V. M. Oral epic tradition in time: a historical study of poetics. Moscow, Nauka Publ., 1989, 254 p. (In Russ.)
7. Efremov N.N. The epic formula “The Hero in anger” in the Yakut heroic epic olonkho: structural and semantic description. *Interpretation of the text: linguistic, literary and methodological aspects*. 2013, no. 6, pp. 204–207. (In Russ.)

8. Ossovetsky I. A. Some observations on the language of poetic folklore. In: Essays on the stylistics of artistic speech. Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 199–252. (In Russ.)
9. Boldyrev N. N. Language and knowledge system. In: Cognitive theory of language. Moscow, Publishing House YASK, 2018, 478 p. (In Russ.)
10. Boldyrev N. N. Cognitive schemes of language interpretation. *Questions of cognitive linguistics*. 2016, no. 4, pp. 10–20. (In Russ.)
11. Kubryakova E. S. Language and knowledge: On the way to gaining knowledge about language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world. Moscow, Languages of Slovenian culture Publ., 2004, 555 p. (In Russ.)
12. Lakoff J., Johnson M. Metaphors that we live by. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004, 252 p. (In Russ.)
13. Rosch E., Lloyd B. B. (eds.) Cognition and Categorization. Hillsdale. New Jersey, Lawrence Erlbaum Associates Publ., 1978, pp. 27–48.
14. Chistov K. V. Variability and poetics of folklore text. In: History, culture, ethnography and folklore of Slavic peoples. Kiev, September 1983 Reports of the Soviet delegation. Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 143–170. (In Russ.)
15. Popova Z. D., Sternin I. A. Cognitive Linguistics: educational edition. Moscow, AST “East-West” Publ., 2009, 314 p. (In Russ.)
16. Austin J. L. Word as action. In: New in foreign linguistics. Vol. 17. Theory of speech acts. Moscow, Progress Publ., 1986, pp. 22–131. (In Russ.)
17. Johnson-Laird F. Procedural semantics and psychology of meaning. In: New in foreign linguistics. Vol. 23. Cognitive aspects of language. Moscow, Progress Publ., 1988, pp. 234–258. (In Russ.)
18. Bondarko A. V. Invariants and prototypes in the system of functional grammar. In: Problems of functional grammar: Semantic invariance/variability. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2003, pp. 5–23. (In Russ.)
19. Boldyrev N. N. Conceptual basis of language In: Cognitive studies of language. Issue IV. Conceptualization of the world in language: a collective monograph. Moscow, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; Tambov, Publishing House of G. R. Derzhavin TSU, 2009, pp. 25–77. (In Russ.)
20. Emelyanova O. V. Cognitive linguistics on the problems of reference. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 9. Philology. Oriental studies. Journalism*. 2004, no. 1-2, pp. 62–71. (In Russ.)
21. Khaan Dzhangystai: olonkho. Yakutsk, Alaas Publ., 2016, 232 p. (In Yakut)
22. Pekarsky E. K. Samples of Yakut folk literature. Saint Petersburg, Publishing House of Imperat. Academy of Sciences, [vol. 1], issue 5, part 1: Texts. 1911, pp. 401–475. (In Russ.)
23. Pekarsky E. K. Samples of Yakut folk literature. Saint Petersburg, Publishing House of Imperat. Academy of Sciences, Issue 3. 1909. pp.195–280. (In Russ.)
24. Popov N. F. Bogatyr Toyon Nyurgun. 2nd ed. Yakutsk, Alaas Publ., 2015, 304 p. (In Yakut)
25. Olonkhosuts of Dzhulei village. Yakutsk, IGLiPMNS SO RAN Publ., 2013, 266 p. (Samples of Yakut folk literature collected by E.K. Pekarsky) (In Yakut)
26. Zakharov-Cheebiy T. V. Bogatyr Ala Bulkun. Yakutsk, Alaas Publ., 2018, 520 p. (In Yakut and Russ.)